

Ольга Алимовна Богданова (Olga Alimovna Bogdanova)*

Интертекстуальный ресурс русской классики XIX–XX вв. в романе Гузели Яхиной «Дети мои» (2018)

An Intertextual Resource of Russian Classics of the 19th–20th Centuries in Guzel Yakhina’s Novel *My Children* (2018)

<https://doi.org/10.1515/cjss-2024-0005>

Received February 20, 2024; accepted March 24, 2024; published online April 24, 2024

Аннотация: В статье выявляется и анализируется ряд значимых интертекстуальных связей в романе современной российской писательницы Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018. *Дети мои: Роман*. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной), восходящих к русской классике XIX – первой половины XX в. Во-первых, акцентируются параллели с мотивикой, характерологией и деталями предметной изобразительности в творчестве Ф.М. Достоевского: герой Яхиной соотносится с Подпольным парадоксалистом, «мелкими чиновниками» Девушкиным и Прохарчиным, частично – с князем Мышкиным; отмечено сходство художественных деталей; перекликаются портретные характеристики персонажей. Во-вторых, исследованы интертекстуальные связи современного романа с классикой русской литературы первой половины XX в. в репрезентациях «усадебного топоса», причем рассмотрены его модификации, возникшие именно в указанный период («усадьба как Китеж» и «усадьба и лес»). В результате мотивного и характерологического сопоставления произведений А.П. Чехова, М.М. Пришвина, К.Г. Паустовского, С.Н. Дурылина, Л.М. Леонова, Б.Л. Пастернака и Г.Ш. Яхиной устанавливается сквозной, обобщающий характер указанных тем в русской литературе XX–XXI вв. Особо отмечается инновационный характер впервые поднятой темы «усадьба и лес».

Ключевые слова: интертекстуальность; русская литература начала XXI в.; Ф.М. Достоевский; «усадебный топос»; «усадьба и Китеж»; «усадьба и лес»

***Corresponding author: Ольга Алимовна Богданова (Olga Alimovna Bogdanova),** Институт мировой литературы Российской академии наук, Москва, Россия, E-mail: olgabogda@yandex.ru

Abstract: The article identifies and analyzes a number of significant intertextual connections in the novel *My Children* (2018) by the modern Russian writer G.Sh. Yakhina, dating back to the Russian classics of the 19th century—the first half of the 20th century. Firstly, the parallels with the motivation, characterology and details of subject depiction in the works of F.M. Dostoevsky are emphasized: The hero of Yakhina correlates with the Underground Paradoxalist, “petty officials” Devushkin and Prokharchin, partly with Prince Myshkin; the similarity of artistic details is noted; the portrait characteristics of the heroes echo. Secondly, the intertextual connections of the modern novel with the classics of Russian literature of the first half of the 20th century in the representations of the “estate topos” are investigated, and its modifications that arose during this period (“estate as Kitezh” and “estate and forest”) are considered. As a result of the motivic and characterological comparison of the works of A.P. Chekhov, M.M. Prishvin, K.G. Paustovsky, S.N. Durylin, L.M. Leonov, B.L. Pasternak and G.Sh. Yakhina, the generalizing nature of these topics in Russian literature of the 20th–21st centuries is established. The innovative nature of the topic “estate and forest” raised for the first time is particularly noted.

Keywords: intertextuality; Russian literature of the beginning of the 21st century; F.M. Dostoevsky; “estate topos”; “estate as Kitezh”; “estate and forest”

Сразу по выходе в свет роман Г.Ш. Яхиной «Дети мои» (2018), написанный в русле магического реализма, привлек к себе внимание критики и читателей, собрав обширную прессу. В одном из интервью писательница отметила, что, работая над произведением, «начитала» гораздо больше того, что непосредственно отразилось в ее тексте (см.: Подлыжняк, 2024). Основная тема романа – «самостояние маленького человека в споре с Большой Историей» (Басинский, 2024). Внимание к ней объединяет российско-советскую и европейскую (прежде всего немецкую) литературу, культуру, философию первой половины XX в.

Писательница сознательно стремилась создать «многослойное полотно: чтобы текст работал на разных уровнях» (см.: Кострова, 2024), погрузив своих героев в широкий многовековой культурный контекст. «Культура, в которой мы вырастаем, становится нашими очками – именно через них мы смотрим на мир. Шульмейстер Бах вырос в немецкой культуре (подробнее см.: Багратион-Мухранели, 2019; Иванова, 2019; Крюкова & Хромова, 2021), и потому он наблюдает вокруг реалии раннего советского времени – образование пионерии, раскулачивание, коллективизацию, – а видит в происходящем сюжеты германских сказок, во всем узнает знакомые архетипы и мифологические образы: в маленьких тракторах – гномов и карликов, в советских

тружениках – героев народных сказаний, в пронырливых партийных деятелях – персонажей сатирических сюжетов. Горнист, уводящий за собой по степи отряд пионеров, кажется Баху Гаммельнским крысоловом, увлекающим детей к смерти... Весь образный ряд романа построен на визуальных кодах германских сказок /.../» (см.: Кострова, 2024).

Справедливую мысль о «культурной предопределенности личности» (см.: Кострова, 2024) можно распространить и на самого автора. В самом деле, роман «Дети мои» – произведение русской литературы, в советское время получившей более широкий диапазон. Мы имеем в виду включение в ее состав писателей, сохранявших ментальность своих народов в единстве многонациональной страны, скрепленном русской культурой, – таких как Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер, Отар Чиладзе, Ион Друцэ и др. (см. также: Богданова, 2023а). В современном же российском литературоведении активно осмысливается феномен *транскulturности*. Так, анализируя русскоязычное творчество татарского поэта Равиля Бухараева, Р.В. Аминев отмечает в нем «синтезирующую тенденцию», оставляющую «далеко позади барьеры и границы, разделяющие историко-культурные смыслы, которые, с одной стороны, порождены европейской культурой и являются элементами ее целостного макроконтекста, с другой – восходят к восточным, прежде всего арабо-мусульманским, кодам /.../» (Аминев, 2021, с. 298). Аналогично подойдем и к творчеству Гузель Яхиной. С одной стороны, она татарка, ярко заявившая о своих национально-культурных корнях в предыдущем романе «Зулейха открывает глаза» (2015); с другой – волжанка, воспринимающая Волгу как главную артерию своей судьбы и все народы, живущие вдоль великой реки (в том числе поволжских немцев, татар и русских), – как близкие и родственные;¹ наконец, она писательница общероссийского масштаба, виртуозно владеющая русским языком, на котором и пишет свои произведения, буквально пронизанные токами русской литературы XIX–XX вв.

Не претендуя на исчерпывающий анализ, в данной статье остановимся на последнем обстоятельстве. Как произведение эпохи постмодерности, второй роман известной писательницы «Дети мои» характеризуется демонстративной интертекстуальностью, смешением константной и виртуальной реальностей, повествовательной нонселекцией и отчасти смысловой неразрешимостью, заложенной в саму эстетику современной переходной эпохи.² Тем не менее серьезность и глубина авторского историко-культурного

1 Ср.: «...весь этот роман можно назвать объяснением в любви к Волге. Потому что Волга – это полноценный персонаж книги» (см.: Славуцкий, 2024).

2 Подробнее см.: Богданова, 2013, с. 14, 114–126.

подхода, стремление выявить и сохранить стержневые национальные ценности позволяют в рамках постмодернистской парадигмы отнести этот роман к направлению метамодернизма и отчасти метафизического реализма, тесно связанного с магическим реализмом второй половины XX в. (см.: Кофман, 2024).

К теме интертекстуальных связей интересующего нас произведения с русской литературой второй половины XX – начала XXI в. исследователи уже неоднократно обращались. В первую очередь отмечена преемственность Яхиной по отношению к творчеству Ч.Т. Айтматова: «Роман Г. Яхиной *Дети мои* и повесть Ч. Айтматова *Белый пароход*, вступая в своеобразное диалогическое взаимодействие между собой, расширяя посредством сказки и мифа смысловое поле произведений, позволяют встроить судьбы героев в контекст общечеловеческой истории. То, что происходит *после сказки*, как в повести, так и в романе, заставляет задуматься не о наивности и абсурдности миров, созданных героями, а о вечности проблемы противостояния добра и зла, о том, как вернуть гармонию в мир реальный, что в целом способствует углублению социально-философской проблематики произведений» (Мешкова, 2022, с. 136). В определенной зависимости «Детей моих» от «Лавра» Е.Г. Водолазкина признавалась сама писательница: «Я не то чтобы ориентировалась именно на Водолазкина, хотя не отрицаю его влияния. Это ведь именно он посоветовал мне, что второй роман должен быть обязательно другим. И я прислушалась» (см.: Подлыжняк, 2024). Литературоведческое сопоставление обоих произведений находим в статье К.А. Жульковой, которая анализирует их «жанровую, композиционную, сюжетную организацию» и указывает на то, что «болевы́е точки» в судьбах главных героев во многом совпадают: «Однако если в *Лавре* они находятся на линии духовного совершенствования человека (грех – покаяние – искупление) и определяются религиозно-христианским, православным мировоззрением, то в *Детях моих* на первый план выступают не религиозные, а культурно-исторические ценности и смыслы» (Жулькова, 2022, с. 136).

В отличие от предыдущих исследователей, мы обратимся к тому слою интертекстуальности в романе Яхиной, который связан с русской классикой XIX – первой половины XX в. и может быть обнаружен с помощью узнаваемых аллюзий, реминисценций и даже прямых цитат. Так, буквально бросается в глаза связь главного героя Якоба Баха с «подпольным» типом Ф.М. Достоевского: «Зачем я вам? – спрашивает озадаченный учитель немецкой и русской речи невидимую за ширмами ученицу. – /.../ я слаб телом, а духом – совершенно беспомощен. Какой толк мучить *больную мышь*?

(Здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив мой. – О.Б.)» (Яхина, 2018, с. 52). Добавим, что в дальнейшем течении романа Яхиной мотив мыши расширяется и распространяется на массу советских немцев 1930-х гг. При этом вспомним, что герой повести Достоевского «Записки из подполья» (1864) в первых же строках говорит о себе: «Я человек *больной* /.../ *Непривлекательный* /.../ Я /.../ ничем не сумел сделаться...», «...доживаю в своем углу» и «...сам себя *считаю за мышь*, а не за человека», за «*усиленно сознающую мышь*», живущую в «мерзком, вонючем *подполье*», – «*несчастную мышь*» (Достоевский, 1973а, с. 99–104). Практически все высказанные характеристики применимы к яхинскому Баху: внешне он такой же хилый, неприметный, лысеющий уже в 32 года, ведущий замкнутую жизнь в «углу» – тесной комнатке с жалкой обшарпанной обстановкой внутри школьного здания, по ночам укрываясь от холода старенькой «утиной периной» (Яхина, 2018, с. 14). Его собеседники не живые люди – обыкновенные жители поволжской немецкой колонии Гнаденталь, – с которыми он, заика в повседневной жизни, не может найти общего языка, но великие немецкие поэты и ученые прошлых веков – Г.Э. Лессинг, И.В. Гете, Ф. Шиллер, Новалис, Г. Гейне, братья Я. и В. Гримм и др., – что развивает в Бахе склонность к уединению и мечтательности. Одно лишь предположение о том, что при взгляде на него юная ученица – дочь владельца хутора Гримм Клара – может стать «вместилищем греха» (Яхина, 2018, с. 53) вызывает у Баха искренний смех, настолько он не считает сам себя полноценным мужчиной.

Более того, персонаж Яхиной очевидно сближается с такими «маленькими людьми» Достоевского, как Девушкин и Прохарчин, причем не только неприметностью и приниженностью, но прежде всего «страхом жизни», борьбу с которым И.Ф. Анненский назвал «непосильной для наивной души (Курсив И.Ф. Анненского. – О.Б.)» (Анненский, 1979, с. 28). О власти «страха жизни» над своим главным героем говорит и Яхина: «долгие годы он мучается страхами – о жене, о дочери» (Кострова, 2024). Кроме осознания своего житнетворческого дара – влиять сочиненными в усадьбе сказками на реальную жизнь приволжского поселка – Баха посещает также страх за «нивы в Гнадентале и за шумные птичники, за полные амбары и богатые сады, за свинарники, конюшни и коровники, за всех этих веселых людей на колхозных собраниях» (Яхина, 2018, с. 292). Важно отметить, что «страх жизни», как и «подпольно-мышинная» психология героя, присущи ему с первых страниц романа, действие которого начинается еще до революции 1917 г., а значит, отнюдь не является продуктом общественного климата 1930-х гг., но лишь усиливается в этот период. Как и у Достоевского, «страх жизни» в произведении Яхиной представлен глубинным свойством человеческой природы.

Косноязычие свойственно и Девушкину и Прохарчину, но если первый постепенно преодолевает его в любви к Вареньке Доброселовой (здесь очевидна параллель с Бахом и его учениками, в том числе Кларой: в обыденной речи Бах заикался, преподавая же на «высоком немецком» – никогда, см.: Яхина, 2018, с. 22), то принципиальная уединенность второго («Прохарчин не умеет говорить», см.: Анненский, 1979, с. 32) корреспондирует с заиканием, а затем и с немотой Баха.

Эпиграф к «Бедным людям» Достоевского (1846) из фантастического рассказа-сказки В.Ф. Одоевского «Живой мертвец» (1839), повествующего об ужасной изнанке жизни, чудесным образом открывшейся умершему персонажу, указывает на «страх жизни» как основной душевный фон Девушкина. Еще более сгущенным он предстает в рассказе Достоевского «Господин Прохарчин» (1846), герой которого, ведя нищенский образ жизни, в своем засаленном тюфяке скопил целое состояние из непотраченных монет. После смерти Прохарчина соседи скинули его тело и опорожнили «драгоценный тюфяк», «неоднократно встряхнув тюфячий чехол»: начинка «густыми хлопьями лежала кругом» (Достоевский, 1972, с. 251, 261–262). Итак, господин Прохарчин «умер от страха жизни» (Анненский, 1979, с. 31), словно сконцентрированного в образе его тюфяка. Сравним с близким по значению образом-символом из романа Яхиной «Дети мои» – «утиной периной» Баха, которая сопровождала шульмейстера с самого начала жизни в колонии Гнаденталь (если не раньше) до момента открытия «Детского дома имени Третьего Интернационала» в усадьбе Гримм на высоком берегу Волги. Когда после отъезда любимых детей Анче и Васьки в Покровск бывший учитель остался один на хуторе, то почувствовал, что больше не боится ни жестокосердых односельчан, ни суровых киргизов,³ ни голода, ни войны, ни бродяг, ни волков, ни потери любимых, ни неизбежного ухода детей (см.: Яхина, 2018, с. 440–443). И если в 1930-е гг. «эпидемия страха» в СССР разделила мир надвое, уподобив основную массу взрослых «мышам» и «рыбам», то Бах вместе с «бесстрашными» детдомовскими детьми сумел стать человеком (см.: Яхина, 2018, с. 445). Символическим знаком совершившегося освобождения стало вытряхивание «утиной перины» на крыльце усадебного дома: «Из перинных глубин поплыли /.../ запахи прошлого: нежные ароматы детского тела и детских волос, и давно позабытый запах Клары, и шульгауза, и холостяцкой квартирki при нем, и чернил, и бумаги, и книг» (Яхина, 2018, с. 471). Пустой наперник Бах развесил на перилах крыльца; пух же покрыл весь хутор и – о чудо! – незаметно превратился в снег: так завершился тоскливо-пугающий

3 Киргизами в романе называют казахов и вообще людей монгольской группы народов вслед за традиционным их наименованием «киргиз-кайсаки» в XVIII–XIX вв.

«Вечный Ноябрь» и началась настоящая зима, время пошло вперед. Преодолев страх, герой Яхиной обрел способность «разглядеть мир по-настоящему, *понять* его» (Яхина, 2018, с. 445), о чем свидетельствует его волшебное путешествие по дну Волги перед арестом. Ведь тайна реки, глубинная диалектика исторической и индивидуальной жизни открываются только тому, «кто без *страха* пройдет по ее дну с открытыми глазами» (Яхина, 2018, с. 482).

В главе «Сын», повествующей о самом счастливом периоде жизни героев, усадьба становится настоящим «детским раем» для подрастающих Анче и Васьки, в чем можно усмотреть еще одну аллюзию на Достоевского – а именно на заботу князя Мышкина о детях в швейцарском горном поселке в начале романа «Идиот» (1868). Хотя герой Достоевского много говорит с детьми, а онемевший от пережитого горя (изнасилования Клары случайными бродягами и ее смерти в родах дочери) герой Яхиной молчит, оба они следуют принципу: «Через детей душа лечится» (Достоевский, 1973б, с. 58). И в том и в другом произведении дети (добрые, сострадательные, милосердные, восприимчивые к истине, деятельные в любви) противопоставлены взрослым (злым, жестоким, живущим в плену предрассудков, не имеющим собственного мнения и готовым на скорое осуждение ближнего). В неприязни швейцарскими обывателями несчастной опозоренной девушки Мари и в отторжении гнадентальскими жителями сбежавшей от отца к учителю беззащитной юной Клары – очевидная параллель. Даже отказ пастора Генделя обвенчать бывшую ученицу с Бахом перекликается с травлей Мари со стороны молодого церковного пастора из швейцарской деревушки в романе «Идиот».

Еще одна важнейшая силовая линия русской литературы, проходящая через все произведение Яхиной, – усадебная топика и мифология. Отнюдь не случайно, что сюжетно-композиционным центром и семантико-семиотическим ядром «Детей моих», посвященных судьбе небольшого поволжского народа в раннесоветскую эпоху, стала уединенная владельческая усадьба-хутор, на территории которой разворачивается практически все романное действие. Попробуем выявить и осмыслить сплетение нескольких (но далеко не всех) интертекстуальных нитей в изображении усадьбы в романе «Дети мои».

Так, в произведении отчетливо различаются мотивы важнейшего для русской литературы последней трети XIX – первой половины XX в. мифа о Китеже, который разрабатывали П.И. Мельников-Печерский, А.Н. Майков, Д.С. Мережковский, С.Н. Дурылин, М.А. Волошин, Н.А. Клюев, А.А. Ахматова и многие другие. Обозревая обращения к образу Китежа в русской литературе XX в., С.В. Шешунова отмечает символику «сохранения – вопреки трагическим обстоятельствам – лица национальной культуры», «преемственности по

отношению к тысячелетней отечественной традиции»: «Китеж предстает /.../ и как символ незримой Святой Руси, и как символ реальной, но утраченной исторической России» (Шешунова, 2005, с. 22). Инкорпорация темы Китежа в «усадебный топос» русской литературы произошла в годину катастроф – Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и последующей Гражданской войны, о чем свидетельствуют произведения А.Н. Толстого («Утоли мои печали», 1915), Б.К. Зайцева («Душа», 1917), Ф.К. Сологуба («Заклинательница змей», 1921) и многие другие (подробнее см.: Богданова, 2019). Симптоматично, что в творчестве Пришвина 1920–1940-х гг. Китежем, сокровенным святым градом, до времени ушедшим под землю из-за угрозы вражеского нашествия, стала именно родительская усадьба Хрущево-Левшино, изображенная в романе «Кашеева цепь» (1927), и затем приобретенная в 1946 г. усадьба-дача Дунино (по дневникам 1940–1950 гг.) (подробнее см.: Кнорре, 2021). Аналогичную роль выполнял в 1930–1940-е гг. загородный дом писателя, литературного и театрального критика С.Н. Дурылина в подмосковном Болшеве, одновременно бывший жилым покоем, музеем, местом свободного общения и православным храмом (подробнее см.: Акимова, 2021). Те же тенденции – в усадебных картинах романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (1945–1955) с воплощенными в них реалиями Иваки и Всеволодовильвы в Пермском крае, Переделкина и Измалкова в Московской области (подробнее см.: Богданова, 2023б). Как видим, важнейший вектор развития «усадебного топоса» в советскую эпоху – интериоризация в него образа Китежа как русского национального духовно-культурного идеала.

Возвращаясь к роману «Дети мои», отметим и нарочитую незаметность, спрятанность хутора Grimm на холмистом берегу возле большой воды, и ежедневный звон колокола, который когда-то производил в Гнадентале⁴ учитель Бах – будущий хозяин усадьбы, и обилие культурных артефактов в доме (старинных предметов, искусно украшенной одежды в сундуках). Даже время текло по-другому здесь, «в окружении столетних дубов, под сенью неизменно плодоносных яблонь, в стенах добротного дома, не подверженного разрушительному воздействию ветров и дождей» (Яхина, 2018, с. 92). Пока жива была Клара, Бах вечерами читал ей стихи на обрыве Волги, она, в свою очередь, рассказывала ему бесчисленные немецкие сказки, а также непрестанно молилась Богу о спасении хутора и о зачатии ребенка.⁵ Так усадьба в «Детях моих» стала местом сохранения, сбережения истинных, вековых, традиционных духовно-культурных ценностей. И даже то,

4 В переводе с нем.: благодатная долина (Яхина, 2018, с. 14).

5 См.: Яхина, 2018, с. 100–101.

что этот усадебный Китеж внутри советской ойкумены окрашен немецким колоритом, не отменяет проходящих сквозь него токов русской культуры.

Изобилует интертекстуальными ассоциациями и такой впервые выявленный в науке аспект «усадебного топоса» в литературе XX–XXI вв., как «усадьба и лес». Далее мы пунктирно обозначим сквозной, обобщающий характер этой темы, чрезвычайно важной для романа «Дети мои», в русской литературе XIX – первой половины XX в. Номинально тема «усадьба и лес» присутствовала в русской классической литературе еще в творчестве А.С. Пушкина («Дубровский», 1833), Л.Н. Толстого («Война и мир», 1863–1869), А.Н. Островского («Лес», 1871), П.И. Мельникова-Печерского («В лесах», 1875) и др., однако новая, лишенная угрожающих коннотаций философско-мировоззренческая семантика была ей придана лишь в первой половине XX в. в основном в связи с революциями и двумя мировыми войнами. Ведь главную опасность для отдельного человека теперь уже начал представлять разросшийся, плохо управляемый, непредсказуемый социум, а природа, в том числе лес, все больше воспринималась в свете эскапизма, экзистенциальной подлинности и онтологической устойчивости.

Глубинная, родственная связь усадьбы и леса впервые эксплицирована в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» (1896). Так, доктор Астров, убежденный лесовод, живущий в усадьбе по соседству с Войничскими, говорит, что

...леса украшают землю, что они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. В странах, где мягкий климат, меньше тратится сил на борьбу с природой и потому там мягче и нежнее человек; там люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства... (Чехов, 1978, с. 72)

Одновременно чеховский герой сетует на истребление лесов в своем уезде, в результате чего исчезают лоси, лебеди, глухари, выселки, хуторки, скиты и, конечно же, «полуразрушенные усадьбы во вкусе Тургенева» (Чехов, 1978, с. 110). Такая участь весьма вероятна и для имения Войничских, владелец которого Серебряков готов продать его первому встречному ради безответственно-комфортной жизни в столице.

В литературе 1920–1950-х гг. заданное направление в некоторой степени было продолжено усилиями М.М. Пришвина («Кашеева цепь», 1927–1954; «Журавлиная родина», 1929; «Кладовая солнца», 1945), К.Г. Паустовского («Повесть о лесах», 1948), Л.М. Леонова («Русский лес», 1953), Б.Л. Пастернака («Доктор Живаго», 1945–1955) и др. Оговоримся сразу, что «усадьба и лес» в русской литературе XX–XXI вв. совершенно новая, совсем неразработанная тема, требующая большого самостоятельного исследования, которое пока еще

вперед. В настоящей статье мы впервые лишь обозначаем ее содержание и границы исходя из ретроспективы, открывшейся при осмыслениях романа Яхиной «Дети мои».

Воспитанник дореволюционной родительской усадьбы Хрущево-Левшино и счастливый владелец усадьбы-дачи Дунино в советские годы, Пришвин «показывает нам путь спасения, сам выбирая уход в лес, к живой природе, и возвращение с кладом, с утраченной людьми *весной света*». Его герои, в том числе сказочные, «открывают лес как *настоящую* реальность» (Кнорре, 2023, с. 20) в противовес механистическому социуму, культивируемому торжествующим в мире в первой половине XX в. массовым сознанием.

«Повесть о лесах» Паустовского буквально пронизана усадебной аксиологией: действие начинается с того, что в лесной усадьбе в центре России великий композитор П.И. Чайковский творит гениальную музыку, вдохновленную шумом ветра и пением птиц в вершинах соснового бора, журчаньем воды в близлежащем лесном озере, запахом цветов и земляники в травянистом подлеске, а также неразрывными с ними мелодиями простых народных песен...; он дарит крестьянской девочке Фене драгоценные сережки в память об алмазном солнечном блеске в каплях дождя «на кончиках маленьких ушей» (Паустовский, 1967, с. 8). в конце повести, по прошествии нескольких десятилетий, любовно сохраненные самой Феней, ее дочерью и писателем-лесоводом Леонтьевым «старые серьги» переходят к духовной наследнице «усадебных» авторов Пушкина, Чехова и Чайковского девушке Анфисе, которая так же увлечена «эстетическим значением» (Паустовский, 1967, с. 78, 174) лесов и предана их «таинственной сени» (Пушкин, 1978, с. 80).

В романе Леонова «Русский лес» показана сложная взаимозависимость между усадьбой Сапегино и Пашутинским лесничеством, откуда начинаются судьбы главных героев произведения, членов семьи Вихровых. «Русский лес – философский роман, тяготеющий к условности; его сюжет подчинен развитию философской мысли, в основании которой лежат мифотворчество, символика, широкие отступления и исторические реминисценции» (Петишева, 2007, с. 93). Противоречив образ барской усадьбы, в которой выросла жена Вихрова Елена, чье «дворянское происхождение» сказалось на всей ее дальнейшей жизни: сначала она обещала Вихрову – крестьянскому сыну, впоследствии выдающемуся ученому-лесоводу – быть ему «хорошей женой», но вскоре с малолетней дочерью Полей сбежала от мужа, пытаясь забыть прошлое и как бы искупая мнимые «грехи предков» (Леонов, 1984, с. 270, 503). Тем не менее Вихров продолжал любить жену и верить, что их судьбы вновь соединятся.

Вспомним также, что творческое заточение Юрия Живаго в уральской усадьбе Варыкино в романе Пастернака сопровождалось натурфилософскими

наблюдениями и открытиями героя: например, история рисуется ему «наподобие жизни растительного царства. Зимой под снегом оголенные прутья лиственного леса тощи и жалки /.../ Весной /.../ лес преображается, подымается до облаков, в его покрытых листьями дебрях можно затеряться, спрятаться. Это превращение достигается движением, /.../ которого никогда нельзя подсмотреть. Лес не передвигается, мы /.../ всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы /.../ вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю» (Пастернак, 1958, с. 526–527).

В отличие от литературы XIX в., у Чехова, Пришвина, Паустовского, Леонова, Пастернака усадьба выступает как единое целое с лесом, зачастую – как его защитница от хищных посягательств потребительской цивилизации, и практически всегда – как источник осмысления «таинственного» значения леса, его архетипической глубины и силы.

Роман «Дети мои» в ряде черт продолжает намеченную линию: во-первых, как уже говорилось, хутор Гримма расположен на правом берегу Волги,⁶ где простирается «бесконечный дремучий лес» (Яхина, 2018, с. 78), на большой поляне без ограды, по сути составляя с лесом одно целое; жители усадьбы постоянно взаимодействуют с ним, занимаясь заготовкой дров, поиском материала для изделий, бортничеством, сбором грибов и ягод и т.п. Кроме того, хутор может быть трактован как сказочно-мифологический «дом в лесу» по классификации В.Я. Проппа (см.: Пропп, 2000, с. 101–102), место инициации героя, а сам окружающий дубовый лес – как сказочный: «Тропинки, что водят кругами! Тающие деревья!» (Яхина, 2018, с. 51).

С исторической точки зрения, усадьба находится на монастырской земле, специально приобретенной в девственном, не тронутом человеком лесу как субституте рая. Ее хозяин Бах – «немой отшельник с седой бородой /.../» (Яхина, 2018, с. 185). Д.С. Лихачев пишет, что в XIV–XV вв. на Руси «под влиянием идей исихазма получило распространение стремление к отшельничеству, скитническому монашеству и стали распространяться монастыри вдали от мирской суеты среди дикой природы /.../ Из житий основателей монастырей этого времени известно, какое большое значение придавалось выбору красивого места будущего монастыря – в лесу, на берегу озера или реки, среди холмов и т.д. Мир природы – это мир святости, уход из *человеческого мира* – это прежде всего уход от греха в богоустановленный порядок не испорченной грехом природы /.../ Рай – это окружающая, не измененная греховным человеком природа. Святой и праведник должны жить среди праведной же природы» (Лихачев, 1998, с. 60–61). Поэтому «монастыри ставились не только в

6 О мифопоэтическом значении образа Волги в романе см.: Жулькова, 2023.

красивой, но и в безлюдной местности» (Лихачев, 1998, с. 67), в том числе на лесистых необитаемых берегах Волги (недаром русские исихасты-молчалиники в XV в. получили наименование «заволжских старцев»). Видимо, с этим связано и нередкое отсутствие ограды при монастырских садах указанного типа. Важно и то, что «с раем в Древней Руси ассоциировались не только монастырские сады, но и загородные местожительства князей» (Лихачев, 1998, с. 62), прообразы будущих дворянских усадеб XVII–XIX вв. Кроме того, надо иметь в виду традиционное для русской классической литературы понимание сельской помещичьей усадьбы как «рая на земле», Аркадии и Золотого века, о котором написано очень много (подробнее см.: Дмитриева & Купцова, 2008, с. 139–173).

Итак, в отличие от предыдущих исследователей, обращавшихся в своем интертекстуальном анализе преимущественно к литературе последней трети XX – начала XXI в., мы в настоящей статье впервые уделили внимание интертекстуальным параллелям романа Яхиной именно с русской классикой XIX – первой половины XX в. В первую очередь предметом нашего рассмотрения стало характерологическое сопоставление яхинского героя Якоба Баха с «подпольным» типом Достоевского, с его «мелкими чиновниками» (Девушкиным и Прохарчиным) и отчасти с князем Мышкиным. В романе Яхиной были обнаружены очевидные переключки с мотивным репертуаром «Бедных людей», «Господина Прохарчина», «Записок из подполья» и «Идиота» («мышь», «страх жизни», косноязычие, «детский рай»), в подборе художественных деталей («тюфяк» и «утиная перина»), а также в ряде изобразительно-выразительных средств (портреты героев).

Основное же исследовательское внимание было направлено на интертекстуальные связи современного романа с классикой первой половины XX в. в аспекте развития усадебной топики как одной из магистральных линий русской литературы вплоть до сегодняшнего дня. Причем были выделены те ее модификации, которые возникли именно в указанный период: «усадьба как Китеж» и «усадьба и лес». В результате мотивного и характерологического анализа соответствующих произведений Чехова, Пришвина, Паустовского, Дурылина, Леонова, Пастернака и др. была выявлена их общность с аналогичными мотивами, присутствующими в романе Яхиной, и тем самым установлен сквозной, обобщающий характер тем «усадьба как Китеж» и «усадьба и лес» в русской литературе XX–XXI вв. Особо следует отметить инновационный характер темы «усадьба и лес», впервые поднятой в настоящей статье.

Research funding: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (№ 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).

Список литературы и источников

- Акимова, М.С. (2021). Усадьба реальная и усадьба литературная в судьбе и творчестве С.Н. Дурылина. In О.А. Богданова (ред.), *Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преображения: Коллективная монография* (с. 218–228). М.: ИМЛИ РАН.
- Аминева, В.Р. (2021). Поэма Р. Бухараева «Моление о Чаше» как транскультурный текст. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 6(2), 290–299.
- Анненский, И.Ф. (1979). Господин Прохарчин. In *Анненский, И.Ф. Книги отражений* (с. 24–35). М.: Наука.
- Багратион-Мухранели, И.Л. (2019). Трансформация классического немецкого фольклора в романе Гузель Яхиной «Дети мои». In *Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: Коллективная монография* (с. 327–333). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского.
- Басинский, П. (2024). Гузель Яхина выпустила новую книгу. *Российская газета*. <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html>
- Богданова, О.А. (2013). *Русская проза конца XX – начала XXI века. основные тенденции: учебное пособие для студентов-филологов*. СПб.: Петрополис.
- Богданова, О.А. (2019). Усадьба в русской литературе военно-революционных лет: мотивы Китежа и Святой Руси. In О.А. Богданова, *Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология* (с. 167–180). М.: ИМЛИ РАН.
- Богданова, О.А. (2023а). Невидимые звенья «усадебного свертка». *Вестник славянских культур* (69), 224–236.
- Богданова, О.А. (2023б). Усадьба и провинция в русской литературе XX века: семиотика, топика, динамика. *Mundo Slavico* (22), 15–28.
- Дмитриева, Е.Е., & Купцова, О.Н. (2008). *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай* (2-е изд.). М.: ОГИ.
- Достоевский, Ф.М. (1972). Господин Прохарчин: Рассказ. In *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т., т. 1* (с. 240–263). Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1973а). Записки из подполья. In *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т., т. 5* (с. 99–104). Ленинград: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1973б). Идиот: Роман. In *Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т., т. 8* (с. 5–511). Ленинград: Наука.
- Жулькова, К.А. (2022). «Бывают странные сближенья»: особенности поэтики романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Дети мои» Г. Яхиной. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 6(861), 136–143.
- Жулькова, К.А. (2023). Мифологема реки в романе Г. Яхиной «Дети мои». *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 6(874), 153–159.
- Иванова, Е.Р. (2019). Лексико-семантическое поле «немецкий» в романе Г. Яхиной «Дети мои». *Балтийский гуманитарный журнал*, т. 8, 1(26), 64–66.
- Кнорре, Е.Ю. (2021). «Китеж советского времени»: образ «небесной коммуны» в «усадебном мифе» М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950-х гг). In О.А. Богданова (ред.), *Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преображения: Коллективная монография* (с. 205–217). М.: ИМЛИ РАН.
- Кнорре, Е.Ю. (2023). «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина. *Вопросы философии* (11), 16–22.

- Кострова, В. (2024). Интервью с Гузелью Яхиной. Апрель 2018 года. *Централизованная библиотечная система Канавинского района*. https://book-hall.ru/event/Guzel_SHamilevna_YAkhdina
- Кофман, А.Ф. (2024). Магический реализм (в литературе). *Большая российская энциклопедия*. <https://bigenc.ru/c/magicheskii-realizm-v-literature-f6d42f>
- Крюкова, О.С., & Хромова, Д.А. (2021). Репрезентация и конфликт немецкой и советской идентичности в романе Г. Яхиной «Дети мои». *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 6(848), 232–241.
- Леонов, Л.М. (1984). *Русский лес: Роман*. М.: Худож. литература.
- Лихачев, Д.С. (1998). *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст* (изд. 3-е). М.: Согласие, Типография «Новости».
- Мешкова, О.В. (2022). Сказка vs действительность в повести Ч. Айтматова «Белый пароход» и в романе Г. Яхиной «Дети мои». *Вестник гуманитарного образования*, 1(25), 130–138.
- Пастернак, Б.Л. (1958). *Доктор Живаго: Роман*. Милан: Г. Фелтринелли.
- Паустовский, К.Г. (1967). Повесть о лесах. In *Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 8 т., т. 3* (с. 7–180). М.: Худож. литература.
- Петишева, В.А. (2007). Человек и природа в оценке Л.М. Леонова (историко-философский контекст «Русского леса»). *Вестник Челябинского университета* (8), 88–93.
- Подлыжняк, Н. (2024). Гузель Яхина: «Дети мои» – разговор о советской истории и молчащем поколении. *Многобукв*. <https://mnogobukv.hse.ru/news/221111443.html>
- Пропп, В.Я. (2000). *Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт.
- Пушкин, А.С. (1978). Евгений Онегин: Роман в стихах. In *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т (4-е изд.), т. 5* (с. 8–185). Л.: Наука.
- Славуцкий, А. (2024). Гузель Яхина: «Дети мои» – роман о молчащем поколении: интервью с Гузель Яхиной. *Dzen*. <https://dzen.ru/a/YaumBeEiXETznKFM>
- Чехов, А.П. (1978). Дядя Ваня: Сцены из деревенской жизни в четырех действиях. In *Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т., т. 13* (с. 61–116). М.: Наука.
- Шешунова, С.В. (2005). Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, 64(4), 12–23.
- Яхина, Г.Ш. (2018). *Дети мои: Роман*. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной.